

УДК 141.319.8

DOI: 10.17072/2076-0590-2025-16-101-121

«НА КАНАТЧИКОВОЙ ДАЧЕ» МОСКОВСКОЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Р.Л. Лившиц

Доктор философских наук, профессор,

независимый исследователь

rudliv@yandex.ru

Проанализированы некоторые базовые положения «Манифеста Московской Антропологической Школы», представленного философской общественности как документ программного характера. Текст «Манифеста» написан в эпатажно-provокативной и эзотерической манере, что затрудняет понимание его ключевых идей. Показано, что «Манифест» представляет собой анархический бунт против рационально-понятийного постижения действительности, а в основе этого бунта лежит понимание человека как существа, родовым свойством которого является способность испытывать галлюцинации, спать наяву, то есть грезить. В статье обоснована мысль о том, что подобные взгляды не могут быть выстроены в логически связанную систему понятий и не согласуются с реальной практикой. Подвергнута критике программа «сознательного сумасшествия» как совершенно нереалистичная и провоцирующая притворство. В основе этой программы – иррациональный страх перед научно-техническим прогрессом. Особое внимание уделено присущему «Манифесту» алармистскому восприятию процесса цифровизации социального пространства.

Ключевые слова: Московская антропологическая школа, философия, антропология, сумасшествие.

Внутри земного шара есть еще один
шар, значительно больше наружного.
Ярослав Гашек [1, с. 51]

Немудрая нелюбовь к мудрости

В великом сатирическом романе Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» есть такой эпизод. Волею случая главный герой этого произведения попадает в сумасшедший дом. Пребывание в нём привело бравого солдата в полный восторг. «Познакомился я там с несколькими профессорами, – рассказывает Швейк. Один из них все время ходил за мной по пятам и разъяснял, что прародина цыган была в Крконошах, а

другой доказывал, что внутри земного шара имеется другой шар, значительно больше наружного» [1, с. 51]. Мы решили взять эти последние слова в качестве эпиграфа к настоящей статье, ибо они как нельзя лучше позволяют проиллюстрировать мысль о том, что встречаются порой такие профессора, которые изрекают истины, обычному уму недоступные. Иногда подобные утверждения существуют в виде отдельных вкраплений во вполне осмысленный текст, но в отдельных случаях они представлены столь изобильно, что у читателя голова начинает идти кругом. Что в такой ситуации делать? Можно попытаться все-таки вникнуть в откровения, которыми с читателем делится автор ошеломительных речений, но всегда следует помнить о том, что это занятие опасно для здоровья. А можно просто махнуть рукой и сказать: «Мели, Емеля. На каждый роток не накинешь платок, и всякий человек, имеет он аттестат профессора или нет, волен нести любую ахинею. Законом такие вещи не запрещены». Но, с другой стороны, наш внутренний голос с таким мнением согласиться не может. Как говорится, *nobles oblige*. Профессор, конечно, имеет полное право молоть вздор, но профессорское звание дано ему не для того, чтобы этим правом пользоваться.

А теперь ознакомимся с суждениями, высказанными профессором Ф.И. Гиренком в тексте, озаглавленном подчеркнуто скромно: «Философский Манифест Московской Антропологической школы» [2]. Начинается этот документ со следующего заявления: «Философия сегодня перестала быть любовью к мудрости. Любовь к мудрости осталась там, где она и была – в античности» [2, с. 220]. (Интересно, а правила пунктуации тоже остались в далеком прошлом? Автор не посчитал нужным поставить запятую после вводного предложения «где она и была», хотя этот знак препинания там необходим. Или смелость автора не ограничивается областью философии и простирается на нормы правописания тоже?) Не будем, однако, акцентировать внимание на этом мелком факте, сочтем его проявлением творческой индивидуальности создателя «Манифеста». Возьмем содержательную сторону цитированного высказывания. Нам предлагают поверить в то, что любовь к мудрости, т.е. стремление к постижению мира на уровне его всеобщих закономерностей, существовала только в античные времена. А вот «сегодня» это стремление угасло, его больше нет. Когда началось это «сегодня», не уточняется, но, если исходить из прямого смысла фразы, то получается, что в средневековье. Следовательно, изложение истории философии нужно завершать Бозилем, ибо он, согласно общепринятыму мнению, является последним античным философом. После 524 года, когда жизнь этого мудреца завершилась, человечество

утратило интерес к устройству мира, к познанию человека и общества. И за полторы тысячи лет, что прошли с тех пор, не было ни одного ума, который хоть чуть-чуть возвышался бы над средним уровнем. Трудно поверить, что Ф.И. Гиренок действительно придерживается столь нелестного мнения о человечестве. Но ведь что написано пером...

Читаем дальше: «Философия для нас – это сознательное сумасшествие. Почему сумасшествие? Потому что быть сумасшедшим – это единственный способ в эпоху числовых измерений не быть исчисленным. Человек – это не алгоритм, а неожиданное вдруг. Почему сознательное? Для того чтобы избежать пребывания в доме для сумасшедших» [2, с. 220].

С тем, что человек не является алгоритмом, нельзя не согласиться, поскольку это троизм. Но из сей бесспорной истины, увы, не вытекает права пренебрегать правилами пунктуации. Так, в последнем предложении перед словом «чтобы» запятая обязательна. И к тому же весьма желательно изъясняться ясно и понятно, чтобы читатель мог уразуметь, что же автор желает сказать. Ни из текста, ни из контекста невозможно понять, кто те самые *мы*, для которых философия есть род сумасшествия. В научных работах часто употребляется местоимение *мы* вместо полагающегося по смыслу *я*. Такова общепринятая условность. Но ведь жанр текста обозначен как «Манифест Школы». Школы, а не какого-то отдельного ученого. Фраза у Ф.И. Гиренка построена таким образом, что не дает возможности уяснить: он излагает свою авторскую точку зрения или же позицию, которой придерживается некое сообщество ученых? Кто они и сколько их, не сказано. Если верно второе предположение, то в этом случае логично заключить, что эти ученые принадлежат к Московской антропологической школе и вместе с автором «Манифеста» думают, будто безумие – это единственная альтернатива мудрости.

Для сторонников подобного взгляда у нас есть хорошая новость: на самом деле между безумием и ясным мышлением существует масса переходных ступеней. И важнейшая из них – здравый смысл, common sense. Не замечать градаций внутри мыслительной деятельности – значит смотреть на действительность через манихейские очки. В реальной истории (везде, где для этого появляются необходимые условия) философия возникает как преодоление ограниченности здравого смысла с его простодушным доверием к очевидности, некритичным отношением к авторитетам и плоским восприятием взаимосвязи вещей. Взыскиемая древними мудростью состояла как раз в преодолении ограниченности здравого смысла, т.е. в обнаружении узости непосредственного восприятия, в открытии различия между общим мнением и истиной и в осознании реальной сложности связи при-

чин и следствий. Философия состоит в обретении более высокого, чем до этого может дойти рассудок, понимания вещей. Философия не отвергает здравый смысл, но опирается на него как на свою рациональную предпосылку, позволяющую выработать более глубокое, более адекватное представление о мире. Философия представляет собой великое достижение цивилизации, его благоуханный цветок, одно из высших проявлений человеческого духа. Без философии жизнь общества превратилась бы в скучное, тусклое прозябанье, в рутинное отправление унылой процедуры существования. Конечно, отдельный человек может пресытиться философией, впасть в ипохондрию и вообразить, что век философии прошел, что от нее надо отказаться. Не исключено, что у него найдутся единомышленники. Однако это ничего не изменит ни в масштабах философского сообщества, ни в масштабах общества в целом. Если наука есть институциализированная страсть к *познанию*, то философия – аналогичным образом – выражение потребности общества в *понимании* действительности на уровне ее существенных взаимосвязей, т.е., выражаясь архаическим языком, проявление потребности в мудрости. Однажды возникнув, философия уже навсегда впечатывается в геном общества. Потому-то и восстание против философии может быть только анархическим бунтом против рационально-понятийного постижения действительности, заведомо обретенным на неудачу. Но это только одна половина дела.

Другая половина заключается вот в чем. У тех, кому показалось, что философия в ее традиционном понимании должна быть «сегодня» отвергнута, нет никакой необходимости отказываться от рационального мышления как такового. Если они так уж разлюбили мудрость, могли бы просто отказаться от претензий философии на постижение глубинной основы вещей. Тем более что и прецедент подходящий имеется: творческое наследие Огюста Канта. Именно ему принадлежит идея, будто философия должна удовольствоваться описанием фактов и фактиков и не пытаться проникнуть под поверхность явлений. Для познания мира, дескать, довольно и здравого рассудка. Фактически позитивизм – это проект деградации человеческой мысли до ее дофилософского уровня, но не программа отказа от рационального мышления. Но Ф.И. Гиренок не хочет уподобляться позитивистам, не желает останавливаться на полпути и по этой, вероятно, причине, предлагает решение гораздо более радикальное: опростимся, мол, до такой степени, что окружающие будут принимать нас за чокнутых. Пусть для вас, простецы, философия – это по-прежнему любовь к мудрости, а для нас, интеллектуально продвинутых, она – «сознательное сумасшествие». У «простецов», однако, возникает закономерный вопрос: а что,

разве так бывает? Разве сознательность совместима с безумием? Не с оксюмороном ли мы в данном случае имеем дело? Сумасшествие есть не что иное, как утрата способности мыслить, то есть рассуждать ясно и связно. Адекватное отражение реальности, способность связывать одни явления с другими – коренное свойство сознания. Тот, кто воспринимает действительность верно, пребывает в здравом уме. Сознание свихнувшегося человека отражает мир ложно, превратно, искаженно, спутанно, оно неверно воспринимает реальные соотношения вещей и населяет мир фантомами. Таким образом, сумасшествие и сознательность – «две вещи несовместные». Лозунг «сознательного сумасшествия», выдвигаемый Ф.И. Гиренком, на практике неосуществим. Человек, чья психика не затронута патологическим процессом, способен лишь симулировать болезнь. Так что позитивная программа «Манифеста» на деле состоит в призывае к притворству, к игре, к лицедейству. Итак, наденем маску безумия и тем обретем блаженство (избежим попадания в сумасшедший дом) – вот, собственно, суть того, что предлагается в «Манифесте».

Как не попасть в сумасшедший дом

Каким образом обосновывается столь диковинная программа? В рассматриваемом документе по этому поводу написано следующее: «Потому что быть сумасшедшим – это единственный способ в эпоху числовых измерений не быть исчисленным. Человек – это не алгоритм, а неожиданное вдруг. Почему сознательное (сумасшествие – Р.Л.)? Для того чтобы избежать пребывания в доме для сумасшедших» [2, с. 220]. Итак, согласно автору, притворившись сумасшедшим, человек надежно защищает себя от вторжения в мир своих чувств и мыслей со стороны внешних сил. Что это за силы? Об этом прямо не сказано, но в общем-то понятно, что речь в первую очередь идет о государственном аппарате, а во вторую – о всякого рода агентах рынка, которые хотели бы «исчислить» наше поведение, чтобы навязать свои товары и услуги. Вряд ли к числу этих внешних сил относятся соседи, коллеги по работе и уж тем более пассажиры, с которыми нам случается совершать поездку в одном вагоне метро. В урбанизированном обществе важнейшая психологическая проблема – не избыток любопытства людей по отношению друг к другу, а противоположное явление: одиночество в толпе, дефицит личного общения, отсутствие подлинно человеческого интереса к Другому, инструментальное восприятие дальних и даже ближних. Я был бы рад, если бы мой сосед по лестничной площадке меня «исчислил», расспросил о дела, о здоровье, то есть проявил бы ко мне искренний интерес, но он при встречах ограничивается сухим приветствием. Что же касается государства, то наша «исчисленность» – вещь не

такая уж страшная, как это мнимся Ф.И. Гиренку. Оно выдает нам паспорт или иной документ, удостоверяющий личность. Государство взимает со своих граждан налоги и создает общие условия жизнедеятельности: систему образования и систему здравоохранения, железные и шоссейные дороги, коммуникационную и энергетическую инфраструктуру, финансовые учреждения и банки и т.д. – все, без чего жизнь человека в современном обществе невозможна. Претендент на должность профессора кафедры обязан предоставить конкурсной комиссии соответствующий аттестат. В России этот документ выдается государственным органом, отвечающим за аттестацию преподавательских кадров. Чтобы упомянутый аттестат получить, нужно пройти ряд жестких квалификационных фильтров. Преподаватель, желающий получить профессорское звание, подвергается тщательному изучению, то есть, выражаясь языком «Манифеста», исчислению, чтобы у конкурсной комиссии не оставалось сомнений в том, что это желание может быть удовлетворено. И так обстоит дело всегда и повсеместно. Хочет ли профессор Ф.И. Гиренок, чтобы его зубы лечил человек, не имеющий диплома дантиста? Или чтобы пассажирский самолет пилотировал тот, кто не получил необходимой профессиональной подготовки? Мораль: государство не только имеет право, но и обязано «исчислять» своих граждан, чтобы не допускать такой ситуации, когда пироги печет сапожник, а сапоги тачает пирожник. И это еще далеко не всё. Важнейшая обязанность государства – обеспечение безопасности своих граждан (и как частных лиц, и как членов большого человеческого коллектива). Но как этого добиться без полиции, разведки, контрразведки и прочих спецслужб? И каким образом спецслужбы могут обойтись, например, без видеокамер? А также без систем распознавания лиц и прочих полезных изобретений недавнего времени? Полиция ведет наблюдение за гражданами, что намного облегчает ей задачу раскрытия преступлений и поддержания общественного порядка. Человек без опаски оставляет на ночь свой автомобиль во дворе дома, где он проживает, поскольку он уверен в том, что попытка покушения на его собственность закончится для похитителя судом и справедливым наказанием. Знает это и потенциальный вор, и по этой причине уровень автомобильных краж в России весьма невелик. Так, согласно данным официальной статистики, в 2024 году в России было совершено 55680 автомобильных краж [3]. По этому показателю наша страна занимает девятое место в мире сразу после Канады (79221 кража) [3]. Но население Канады, как известно, составляет около 40 миллионов человек, а население России – 146 миллионов. Таким образом, численность населения России в 3,65 раза больше, чем население Канады, а количе-

ство автомобильных краж в нашей стране почти в полтора раза ниже. Это ли не доказательство того, что российское государство в интересующем нас отношении справляется со своими обязанностями лучше, чем канадское? Разве такое возможно без хорошо налаженной системы видеонаблюдения за парковками? Было бы любопытно также сравнить уровень уличной преступности в разных странах мира. Но и без специальных исследований хорошо известно, что по улицам Москвы можно ходить без опаски в любое время суток, чего нельзя сказать о большинстве западных столиц.

К сожалению, с телефонным мошенничеством дело обстоит пока явно неблагополучно. Пока, потому что система противодействия этому виду преступлений еще только складывается. Но есть все основания полагать, что по прошествии не столь уж значительного времени телефонные мошенники станут получать эффективный отпор. Тогда граждане России будут надежно защищены и от этого вида преступности. Благодаря чему? В основном благодаря тому, что правоохранительные органы научатся эффективно «исчислять» нарушителей закона и наказывать их. Если оставаться на почве реальности, а не фантазировать идеями столь же странными, сколь и удивительными, следует признать за государством полное право собирать о своих гражданах информацию, накапливать ее и систематизировать. Не составляет большого секрета тот факт, что сам институт государства без такой деятельности немыслим, а по мере усложнения общественной жизни ее значение только возрастает.

Не является тайной и то обстоятельство, что всякое благо имеет пределы, за которыми оно переходит в свою противоположность. В классическом романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984» в совершенной художественной форме изображено общество, где эти пределы нарушены. Слов нет: картина, созданная творческим воображением английского автора, получилась исключительно мрачной. Нежелание жить в таком обществе, страх перед возможностью быть абсолютно «исчисленным» – чувства вполне понятные и легко объяснимые. Но какое отношение все это имеет к современной российской (и не только российской) действительности? Разве опасность полного подавления личности государством, полного уничтожения человеческой приватности хоть где-нибудь воплотилась в жизнь с той полнотой, что представлена в антиутопии Дж. Оруэлла (и в некоторых других произведениях того же жанра)? Допустим, мы действительно «живем в эпоху числовых измерений». Но значит ли это, что подобные измерения и определяют мейнстрим современного общества? Что беспощадная рациональность давит бульдозером всякие проявления человеческой спонтанности, не оставляя места ни для музыки, ни для поэзии, ни

для интимных проявлений человеческой индивидуальности? Что «жар холодных чисел» вытесняет «острый галльский смысл», а вместе с ним и «сумрачный германский гений»? К счастью, ничего подобного не происходит, и страх перед угрозой «быть исчисленным», которым пронизан «Манифест», является иррациональным. Не следует пугать себя и других грозящими нам со всех сторон опасностями, а нужно трезво анализировать объективно существующие процессы и вырабатывать контрмеры против неблагоприятных тенденций. Вырабатывать коллективно, используя существующие механизмы и институции: научные исследования, прессу, политические партии, парламент и т.д. Но надевать на себя маску безумия – это слишком уж экзотично и эксцентрично. И к тому же совершенно непрактично. Смог бы Ф.И. Гиренок пройти все квалификационные ступени от ассистента до заведующего кафедрой престижного вуза, если бы давал повод думать, что он... немного того? То-то и оно. Если человек *прикидывается* безумным, в сумасшедший дом его, конечно, не поместят: симулянтам там не место. Но вот рассчитывать на карьеру или хотя бы приличное место в обществе он вряд ли может. Поэтому, с точки зрения читателя, не сумевшего усвоить глубоких истин «Манифеста Московской Антропологической Школы», избежать попадания в психиатрическую клинику не так уж сложно: нужно вести себя как нормальный человек. И этого вполне достаточно.

Заперты врата в мир сновидений

Содержание «Манифеста» не ограничивается только сверхоригинальной концепцией предмета философии и не менее своеобразной программой самореализации личности. Есть в нем и множество других идей, способных повергнуть читателя в состояние глубокой задумчивости. Процитируем: «Философия – это не онтология, не наука о бытии. Для нас бытие – это не то, что выражается словом «есть». Бытие – это то, чего нет, но что дано человеку. По-скольку его нет, постольку о нём ничего нельзя сказать. Поскольку оно дано, по-стольку о нём ничего нельзя сказать на языке истины. О нём можно говорить только правдоподобно, как о призраке. То, что дано, дано не извне. Всё внешнее не дано, хотя и существует. Всё внутреннее становится. Для нас бытие – это врата в мир сновидений, но эти врата всегда заперты. Почему? Сегодня это главный вопрос, на который пытаются ответить философия» (Орфография источника. – Р.Л.) [2, с. 220]. Зачем Ф.И. Гиренок в одном случае поставил дефис внутри слов «постольку» и «поскольку», а в другом этого не сделал, мы не знаем. Не в силах мы также уразуметь, как человеку может быть дано то, чего нет. Если у меня нет миллиона долларов, то я не в состоянии его никому

подарить, не так ли? Постичь все эти интеллектуальные изыски способен, вероятно, лишь тот, кто принял программу сознательного сумасшествия. Но главная мысль автора – отдадим ему должное – выражена вполне ясно и, отметим, не без литературного блеска: бытие – запертые врата в мир сновидений. Итак, если верить «Манифесту», никакой объективной действительности не существует. Мир – поток сновидений, постичь который нам не дано. Но почему дело обстоит столь плачевно? О, это вопрос так вопрос! На него, согласно Ф.И. Гиренку, и пытается ответить философия. Но ведь философия, как мы уже знаем из предыдущего изложения, не имеет ничего общего с мудростью. В таком случае ее суждения обладают не большей ценностью, чем сентенции какого-нибудь забулдыги в кругу себе подобных. Зачем апеллировать к авторитету философии, трактуемой подобным образом? Нет, ординарному уму такой ход мысли постичь нелегко. Попробуем почитать дальше, может быть что-то прояснится.

Текст «Манифеста» общедоступен, и любой желающий может с ним ознакомиться. Выделим главные утверждения.

1. «Философия это антропология» [2, с. 221].
2. «Не человек часть мира, а мир часть человека» (Пунктуация источника. – Р.Л.) [2, с. 221].
3. «В европейской философии утвердилась мысль о том, что человек – это живое разумное существо. Но после того, как появились неживые разумные машины, эта мысль потребовала корректировки. Эта коррекция достигается посредством стирания границ между живым и неживым, с одной стороны, и разумным, и неразумным, с другой стороны (Пунктуация источника. – Р.Л.) [2, с. 221].
4. «Она (европейская философия – Р.Л.) перестала вообще что-либо понимать в человеке» [2, с. 221].
5. «Выход из ситуации найден в рамках Московской антропологической школы, и называется он сингулярной антропологией» [2, с. 221].

Пойдем по пунктам.

О предмете философии. Итак, сначала автор объявил традиционную философию анахронизмом. Потом провозгласил, что единственный выход из ситуации – надеть на себя маску безумия. Мол, так и только так можно избежать иссушающего воздействия на человека рационального мышления (выражаясь высоким авторским стилем, отвести от себя угрозу быть исчисленным). Потом профессор все-таки смилиостивился и признал за философией право на существование, но только в виде антропологии. А чем, спрашивается, антропология лучше? Она имеет то коренное сходство с философией, что занимается рациональным постижением своего

предмета. Это тоже духовное освоение действительности посредством разума. Разница в том, что философ охватывает своим мысленным взором весь универсум, включая и человека как его закономерное звено, а антрополог фокусирует свое внимание только на этом последнем. Резюмируем: предложение Ф.И. Гиренка сводится к сужению предмета философии. Идея, впрочем, неосуществимая, ибо философия вырастает из объективной потребности в понимании мира в его целостности.

Соотношение человека и мира. Если принять на грудь миллилитров этак пятьсот C_2H_5OH в сорокапроцентном разведении, то действительно можно почувствовать, что мир находится внутри тебя. И даже поверить в это. Но вне измененного состояния сознания изнасиловать свой разум таким способом не получится. И когда Брижит Макрон прикладывает свой кулак к носу законного супруга, последний очень хорошо ощущает, что его дражайшая половина – явление внешнего мира, а вовсе не фантом, возникший в результате употребления белого порошка. Впрочем, совсем не обязательно быть президентом Франции, чтобы убедиться в справедливости этой истины.

Предвижу возражение: о том, что природа есть неорганическое тело человека, писал не кто иной, а сам К. Маркс. Если допустить, что понятия мир и природа – это, в сущности, одно и то же, то получается, что Ф.И. Гиренок воспроизвел мысль великого немецкого мыслителя, но только в других словах. Следовательно, наша ирония по поводу откровения автора «Манифеста» неуместна. И нам остается признать свою неправоту и покаяться. Но давайте сначала заглянем в оригинал и потом уже примем решение, что делать. Цитируем соответствующий фрагмент: «Природа есть *неорганическое тело* человека, а именно – природа в той мере, в какой сама она не есть человеческое тело. Человек *живет* природой. Это значит, что природа есть его тело, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть. Что физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы» [4, с. 92]. Итак, что мы видим? У Ф.И. Гиренка мир – часть человека, а у К. Маркса человек – это часть природы. Тезисы немногого различаются, не так ли? С покаянием можно повременить.

Что есть человек. Надо быть очень низкого мнения о европейской философии, чтобы думать, будто она занимается коллекционированием банальностей вроде утверждения, что человек – это живое разумное существо. Интересно бы также узнать, когда появились «неживые разумные машины». Уж не компьютеры ли имеются в виду? Или, не к ночи будь по-

мянут, искусственный интеллект? Но любое электронно-вычислительное устройство работает только до того момента, когда к нему подведено электричество. И программа, в компьютер вложенная, какой бы мудреной она ни была, функционирует при том же условии. Это относится и к программе, именуемой ИИ (искусственный интеллект). Стоит отключить любую «неживую разумную машину» от источника питания – и она становится не более разумной, чем стол, на котором она находится. И потому приписывать машине свойство разумности можно только в состоянии сна или находясь под влиянием психоактивных веществ.

Не менее загадочен и общий посыл рассуждений автора. Возникновение «неживых разумных машин» дескать, заставляет нас пересмотреть понятие человека. Если верить автору, начиная с этого временного рубежа данное понятие необходимо расширить, включив в него также и неживые объекты. Тогда получается, что сам автор входит в тот же класс объектов, что и его компьютер. Разумеется, если стать в позу «сознательного существия», то можно и не до такого додуматься. Но как быть людям, которые предпочитают оставаться на почве здравого смысла?

Об интеллектуальном бессилии европейской философии. Воистину так! Макс Шелер, Хельмут Плеснер, Арнольд Гелен и прочие авторитеты в области философской антропологии – что интересного и ценного они могли сказать о человеке? Все их многоумные рассуждения – блуждания в потемках, переливание из пустого в порожнее. Настала пора сбросить эти замшелые авторитеты с парохода современности и открыть людям глаза на то, что такое человек.

Но кто же в состоянии исправить столь печальное положение? Кто может совершить сей интеллектуальный подвиг? Догадаться несложно: Московская антропологическая школа.

Масштаб претензий «Манифеста». Текст не оставляет сомнений: перед нами – заявка на революционный переворот. До нас, дескать, никто не смог разобраться в том, что есть человек, и только с Московской антропологической школы начинается настоящая наука о человеке. И имя ей – сингулярная антропология.

Но что это такое? В чем ее суть?

«Всё возможно и ничего нельзя»

Мы поступим так: процитируем соответствующий пассаж из статьи профессора Ф.И. Гиренка, а читатель пусть сам составит представление о том, что такое сингулярная антропология.

«В человеческой жизни всё начинается с рождения человека. Рождение первого человека – это точка сингулярности. Мы называем её взрывом

галлюцинаций. Описать эту сингулярность – значит свести двойственность человеческого существования к чему-то одному и неповторимому. Когда мы смотрим на себя в зеркало, мы раздваиваемся. Нас двое: один в зеркале, другой перед ним. Когда мы видим сны, мы раздваиваемся: мы спим на диване у окна и одновременно мы бродим в сновидении. Когда мы мыслим, мы раздваиваемся: мы едем в метро и ещё мы удерживаем себя в какой-то мысли. Сингулярность – это точка, в которой сходятся сон и явь, тело и грезы, реальное и идеальное. В этой точке совпадают смыслы и события. В ней всё возможно и ничего нельзя. По сути дела, в ней существует мир, который иногда почему-то называют монадой. Мы говорим: монады не умирают и не рождаются. Умирает и рождается человек. Сегодня его рождение и смерть становятся не делом природы, а делом техники. Мы знаем, в какой точке закончится техническое отношение человека к самому себе. Это – точка сингулярности» [2, с. 221–222].

Из текста понятно, что автор не слишком прилежно посещал уроки русского языка в школе, иначе не написал бы, что «в человеческой жизни всё начинается с рождения человека». (Называется эта ошибка тавтологией.) Остальное нам понять удалось частично, а на дешифровку некоторых тезисов наших когнитивных способностей не хватило.

Когда случилась «точка сингулярности»? Согласно данным антропологии, виду *homo sapiens* несколько десятков тысяч лет. (Или больше, антропологи не могут сойтись во мнении.) Переход от предшествующего вида к последующему – процесс, растянутый во времени. Точно зафиксировать момент появления на свет существа нового вида невозможно. Поэтому и вести речь о точке сингулярности как однократном событии не имеет смысла.

О «взрыве галлюцинаций». И с какой стати такой вполне материальный процесс, как рождение человека, именуется «взрывом галлюцинаций»? Интересно, а появление на свет самого Федора Ивановича тоже было «взрывом галлюцинаций»? Или так случилось только с первым человеком, неведомо когда родившимся, а потом уже все обходилось без галлюцинаций?

Теория двойственности человеческого существования. Вот я смотрюсь в зеркало и вижу в нем свое лицо. Мне хватает соображения понять, что это зрелище – только оптический эффект, мое отражение. И для любого нормального человека, не впавшего в «сознательное сумасшествие», это тоже очевидно. Не происходит никакого раздвоения человека и во сне. Как он лежал на диване, так на нем и остается, даже если видит сон о полете на Марс. Не нужно также усматривать в простой житейской ситуации, ко-

торая случается с каждым не только в метро, какое-то особое состояние, какую-то раздвоенность.

Фундаментальный принцип науки – бритва Оккама. Не следует придумывать объяснения сложные и искусственные, когда есть простые и естественные. «Теория раздвоения» – как раз из разряда таких умственных конструкций, которые слишком вычурны, чтобы быть истинными.

Нас терзает смутное сомнение, что в основе всей этой мудреной теории лежит общеизвестный факт: человек – это существо, чье бытие не сводится к телесности. Как носитель сознания и социальных свойств он является еще и существом духовным.

О понятии сингулярности. Но если вы сотворили фантом, то возникает необходимость его демистификации. Автор совершает это логичное в порожденной им ситуации действие путем создания альтернативной теории, ключевое понятие которой – сингулярность. Под ней он понимает, как явствует из приведенной выше цитаты, «точку, в которой сходятся сон и явь, тело и грезы, реальное и идеальное». Результат, на наш взгляд, оказался не более убедительным, чем исходная «теория раздвоения». Особен-но наглядно это видно на примере тезиса о схождении «тела и грез». Это вообще совершенно разные сущности, не имеющие даже формального сходства. Соединение в одно целое ужа и ежа кажется более осуществимым делом, чем совпадение (схождение, выражаясь авторским языком) тела и грез. Правда, в случае с тезисом о схождении яви и сна уязвимость авторской позиции не столь очевидна. Сложность вопроса заключается в данном случае в том, что существуют сны наяву. На первый взгляд они кажутся одновременно и сном, и феноменом бодрствующего сознания. Но при более внимательном анализе становится ясно, что сны наяву – явление, возникающее в состоянии бодрствования. В пользу данного утверждения говорит тот факт, что индивид, который видит сон наяву, сохраняет контроль над его содержанием. Человек способен в любой момент по своему желанию прервать поток образов, образующих сон наяву, что невозможно, когда сон настоящий. Подлинное сновидение протекает как неконтролируемый поток образов.

Относительно схождения реального и идеального. Да, совпадения идеала с действительностью порой удается добиться. Хороший пример – шедевры поэзии. В них искусство слова достигает своего наивысшего совершенства, то есть идеала. Но вот в чем беда: тезис о совпадении реального и идеального не вписывается в рамки общей теории Ф.И. Гиренка, гласящей, что «бытие есть запертые врата в мир сновидений». Воплощение идеала в действительность происходит в объективной реальности, а не

в мире сновидений, который к тому же, согласно автору, непознаваем. Выбор тут таков: либо верен тезис о возможности реализации идеала в материальном мире, либо никакого такого мира не существует. Вместо этого последнего – не поддающийся контролю поток переживаний, проникнуть в содержание которых нет ни малейшей возможности. (Последнее, кстати, неверно, но не станем отвлекаться.)

Насчет «совпадения смысла и события». На наш взгляд, это еще один нежизнеспособный концепт, порожденный полетом фантазии автора. Смысл относится к глубине явлений, к их сущности, а понятие события характеризует внешнюю сторону процесса. Так, 22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на Советский Союз. Цель нападения – завоевание нацистским государством «жизненного пространства», порабощение и частичное истребление советского народа. Эта цель и определяла смысл боевых действий германской военной машины. Рабоче-Крестьянская Красная Армия сражалась с врагом, чтобы отразить смертельную угрозу, нависшую над страной. Смысл ее боевых действий был прямо противоположным: отстоять честь и независимость Родины, сокрушить нацизм. Внешнее содержание действий обеих противоборствующих сторон одинаково, поскольку война – это не прогулка по ухоженному парку. Но смысл происходящего являлся прямо противоположным. Тезис о «совпадении смысла и события» игнорирует то обстоятельство, что в реальной жизни сталкивается множество субъектов, и для каждого из них одно и то же событие имеет свой смысл. Отметим еще один изъян тезиса о «совпадении смысла и события». Понятие смысла относится к тому же ряду понятий, что и понятие сущности. Категория события синонимична категории явления. Поэтому совпадение смысла и события не более вероятно, чем тождество сущности и явления. (И, кстати, совпадение случайности и закономерности.)

О точке, в которой «все возможно и ничего нельзя». Возьмем на себя смелость утверждать, что такой точки не существует. Во всяком случае, в реальном мире, а не в мире, созданном воображением автора «Манифеста». Само понятие возможности подразумевает противопоставление и тем самым ограничение. Понятие возможности имеет смысл только в том случае, если с ним соотносится понятие невозможности. Если о каком-то событии утверждается, что оно возможно, то при этом подразумевается, что существует иное событие, запрещенное реальным устройством мира. Так, возможность профанного зачатия несовместима с возможностью зачатия непорочного. Аналогичным образом понятие количества имеет смысл только в соотнесении с понятием качества, формы – содержания,

случайности – закономерности, сущности – явления. Мы не откроем большого секрета, если скажем, что невозможно то, что не позволено законами природы. Например, если человек делает шаг из балкона квартиры, находящейся на десятом этаже, то невозможно, чтобы он полетел вверх. Полет такого бедолаги будет происходить, увы, совсем по другой траектории. Природа не разрешает сидеть на двух стульях одновременно, и именно это обстоятельство направляет созидающую энергию человека в продуктивное русло.

Иногда приходится встречаться с утверждениями, что человек способен преодолевать действие одних объективных законов, используя другие законы. Например, действие закона всемирного тяготения якобы преодолевается при помощи законов аэродинамики. Но это довольно инфантильная точка зрения. Полет самолета происходит не вопреки, а благодаря действию закона тяготения. Человек своей волей соединяет действие познанных им объективных законов природы таким способом, который позволяет добиться поставленной цели. Когда это сочетание нарушено, происходит расхождение цели и результата. Так, полет самолета продолжается, пока работают двигатели. В случае их отказа летательный аппарат, влекомый земным притяжением, неумолимо устремляется вниз.

(Есть еще случай формальной возможности, когда событие не происходит не по той причине, что его запрещают законы природы, а вследствие противодействия конкретных обстоятельств, но мы не станем в эту материю углубляться.)

Мир устроен таким образом, что человеку позволено многое именно потому, что существуют твердые запреты (законы). Без этих последних жизнь человека превратилась бы в хаотичное блуждание по планете без цели и смысла. Да и сам человек никогда бы не возник.

Что касается тезиса о монадах, которые «не умирают и не рождаются», то нам его смысл уразуметь не удалось. Понятие монад было центральным в философии Лейбница, но ничто не говорит о том, что «Манифест» возрождает исследовательскую программу этого философа.

О рождении и смерти человека как о деле техники, а не природы. Прочитав соответствующий пассаж из «Манифеста», я испытал удивление. Как? Женщины уже отстранены от деторождения? Теперь детей на свет производят технические устройства? И процесс ныне протекает как в романе-антиутопии «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли? Почему я столь важных перемен не заметил? Позор, тоска, о жалкий жребий мой! На всякий случай почитал литературу, расспросил знакомых врачей. С облегчением узнал, что никакой революции в этой деликатной сфере не слу-

чилось, что от прежней практики люди не отказались, и у каждого младенца есть и мама, и папа. Стало быть, не такой уж я непродвинутый, как мне показалось при чтении «Манифеста».

Что же касается тезиса о том, что смерть становится делом техники, то этот вопрос не столь прост. Если понимать технику расширительно, как всякое искусственное средство, используемое человеком в практических целях, то она значительно повлияла на характер смертности населения. Благодаря успехам медицины детская смертность сведена почти к нулю, многие болезни, бывшие ранее смертельными, побеждены. Средняя продолжительность жизни очень сильно возросла. Торжество «техники» налицо. Но она только помогает человеку раскрыть биологические ресурсы, заложенные в нем природой. Смерть – важнейшее приобретение эволюции. Человек смертен, таков закон природы. Но общий технический и культурный прогресс, успехи науки позволяют выжать из того, что нам дано естеством, максимум. Однако надеяться на то, что человечеству благодаря прогрессу удастся вырваться из природной взаимосвязи, можно только в измененном состоянии сознания.

К сказанному имеет смысл добавить, что влияние научно-технического прогресса на смертность противоречиво. Сейчас изобретены такие совершенные средства человекаубийства, в сравнении с которыми все, что было прежде, кажется детской игрой в песочнице.

О взыскующих абсурда и других

Мы процитировали лишь малую толику из того, что содержится в «Манифесте», но даже беглый разбор написанного потребовал от нас печатного листа. Рассматривать все остальные тезисы автора означало бы поступать с читателем немилосердно. Поэтому оставшуюся часть «Манифеста» мы охарактеризуем в щадящем режиме. Процитируем некоторые характерные высказывания, пусть они будут информацией к размышлению.

«<...> Человек – это существо, спящее наяву» [2, с. 223].

«<...> Если бы Парменид мыслил человека, как Гераклит, то самолеты бы сегодня не летали, бомбы не взрывались, технологическое не угрожало бы нам нашим исчезновением» [2, с. 224].

«Грезы – наш мир. Мы из мира сновидений» [2, с. 224].

«Человек одинок. Убегая от природы, человек загнал себя в сознание и запер себя там» (Опечатка исправлена. – Р.Л.) [2, с. 224].

«А поскольку галлюцинация – это и есть бытие, тождественно мысли о бытии, постольку она взрывается, рождая в нас чувство реальности (Грамматика источника. – Р.Л.) [2, с. 225].

«<...> Было время, когда люди не отличались от животных» [2, с. 225].

«<...> Причина сознания лежит в самом сознании» [2, с. 225].

«<...> Мы хотим быть, как дети. Быть без прошлого и без будущего. Быть в непрерывно длящемся настоящем» [2, с. 226].

«Технологическое применение науки убивает науку» [2, с. 226].

«<...> Только у того, кто галлюцинирует, возможно чувство реальности. Никакой реальности самой по себе нет» [2, с. 227].

«Мы ищем абсурд, а не истину» [2, с. 228].

«Кто хочет думать сам, тому не нужно быть вместе с другими» [2, с. 228].

«Разрыв человека с природой произошёл тогда, когда человек стал грезить» [2, с. 228].

«Орудие, машина, автоматическая система машин – это всего лишь расширение присутствия неорганического в сфере органического. Предел этого расширения – в техническом отношении человека к самому себе, заменяющем органическое на искусственное» [2, с. 228].

От комментирования этого последнего высказывания мы все-таки не можем воздержаться. В нем густой словесный туман, которым автор укутал свое творение, немного расступился, и обнаружилась общая идейная тенденция «Манифеста». Это тенденция руссоистская, антипрогрессистская, антисциентистская. Ф.И. Гиренок с явным осуждением относится к «замене органического на искусственное», усматривая в нем угрозу собственно человеческому. Но в таком случае автор не должен пользоваться услугами стоматолога, ибо этот последний занимается тем, что ставит пломбы, то есть внедряет в наш организм чуждый материал. Если следовать этой логике, нужно отказаться и от кардиостимуляторов, и от протезов любого вида. Да и от лекарств тоже, поскольку все они носят явно искусственный характер. И вообще медицину следует упразднить, ведь она, согласитесь, – изобретение сугубо бесовское. А вместе с медициной к таким изобретениям относятся и все прочие порождения отчужденной западной рассудочности, не правда ли?

Мы надеемся, что изложенного вполне достаточно для того, чтобы составить общее представление о содержании «Манифеста».

Что касается стиля, то его лучше всего характеризует следующий пассаж: «Мы знаем, что воображаемое переполнено смыслами, а реальность кишит только событиями. Смыслы – это не события, а события не смыслы. Они ведут между собой непрерывную войну. Они не совозможны, ибо когда они совозможны, начинается зона сингулярности. Реальность всегда

бессмысленна. Воображаемое всегда бессобытийно. Смыслы лишают событие состава событийности, а события обессмысливают смыслы» [2, с. 222]. Нечто подобное нам уже читать приходилось: «Форма есть небытие, а небытие есть форма. Небытие неотделимо от формы, форма неотделима от небытия. То, что является небытием, является и формой, то, что есть форма, есть небытие [1, с. 377]. Именно так изъяснялся повар-оккультист Юрайда, один из героев цитированного нами романа Ярослава Гашека. Свободный, не связанный никакими узами с реальностью поток умных слов... Говорение ради говорения, вербальное шаманство в чистом виде. Ну как ни восхититься гением Гашека!

Манифесты не пекутся, как блины, это очень редкий жанр. Манифест – это всегда претензия на революцию, на то, чтобы открыть миру новую истину, отринуть прежние заблуждения. Какие такие новые истины возвешает нам текст, написанный Ф.И. Гиренком? Нам сообщается, что объективной действительности не существует. Что мир – это иллюзия, сон. Что разум бессилен что-либо познать. И так далее: философия умерла, теперь ее место занимает антропология, «в каждом человеке обитают призраки» [2, с. 223], «миров может быть много, но Бог один, а человек есть сингулярное событие» [2, с. 223]. (Еще бы знать, что это такое.) Для полноты картины не хватает лишь утверждения, что внутри земного шара находится еще один шар, гораздо больше наружного. Не следует искать в этом потоке сознания какую-то систему взаимосвязанных концептов, ибо ее нет. «Манифест» содержит не научную теорию человека и мира, а эзотерическое учение, чуждое логике, практике и просто здравому смыслу. Оно обращено не к разуму, а к вере. Верующим в истины, провозглашенные в «Манифесте», нужно отречься от способности здраво судить о вещах и надеть маску безумия. Адептам учения, именуемого сингулярной антропологией, предлагается добровольно заточить себя на Канатчиковой даче и там предаваться глубокомысленным рассуждениям, недоступным для понимания профанов. (Не забывая, впрочем, при этом исправно получать зарплату по месту работы и не пренебрегая иными источниками дохода, если таковые подвернутся).

Когда я читаю статьи других авторов, не входящих в секту сингулярных антропологов, я понимаю, какие общественные проблемы они поднимают и какие меры предлагают для их решения. Вот, например, статья Л.А. Мусаеляна [5]. В ней речь идет о поработочении современного человека стихией потребительства и о вытеснении педагога из образовательного процесса в результате цифровизации. Можно соглашаться с представленной в статье трактовкой анализируемых проблем, можно оспаривать ав-

торскую точку зрения, но нельзя не признать: поднимаемые им вопросы *реальны*. И написана статья на хорошем русском языке, а не на каком-то волярюке, непостижимом для нормального человека. Автор обращается не к adeptам эзотерической секты, а к научному сообществу и, строго говоря, ко всей образованной публике. Другой пример. Возьмем монографию Л.Г. Фишмана [6]. В ней автор развивает оригинальную точку зрения на эволюцию морали в советском обществе, преодолевающую как либеральную, так и почвенническую парадигму. В основу его концепции положена идея о том, что «<...> советский проект был проектом возвышения человека посредством культуры» [6, с. 41]. И эволюция морали советских людей рассматривается как последовательное развертывание начал, заложенных в исходной установке. Интереснейшее оригинальное исследование, побуждающее к размышлению!

Ни Л.А. Мусаелян, ни Л.Г. Фишман, ни сотни и тысячи других авторов, занимающихся социально-гуманитарными проблемами, не претендуют на революцию в наших знаниях о человеке, не пытаются эпатировать публику заявлениями вроде того, что философия – это сознательное суммирование. Мысли этих ученых изложены человеческим языком, рассчитанным на понимание и открытом для критики. Основная масса исследователей вписана в систему существующих социальных позиций и действует в ней так, как того требует статус и позволяет квалификация. Некоторые из ученых склонны к конформизму, другие нет. Это в данном случае не так уж важно. Существенно то, что они не прячутся от общества за высоким забором, не пытаются отгородиться от мира с помощью особого жаргона, доступного лишь узкому кругу посвященных.

«Манифест Московской Антропологической Школы» – это, в сущности, проповедь эскапизма, апология интеллектуальной трусости, облеченная в форму отважного вызова азбучным истинам и общепринятым нормам научного дискурса. Более всего этот документ напоминает текст вековой давности, принадлежащий перу С.Л. Франка. Мы имеем в виду, конечно, книгу «Смысл жизни» [7]. Напуганный ужасами революции, С.Л. Франк призывает погрузиться в «духовное делание», предоставив событиям течь по начертанному свыше руслу. Правда, эссе С.Л. Франка написано с несомненным художественным блеском, а текст «Манифеста», увы, литературными достоинствами не отличается.

Современный российский интеллектуал сравнивает свое материальное и социальное положение с тем, что он занимал в «тоталитарном совке», и чувствует себя глубоко уязвленным. Но изменить ничего он не в состоянии, да и повседневная борьба за выживание не оставляет на это ни

времени, ни сил. Прямо сказать о причинах неудовлетворенности своим положением – значит подвергнуть себя риску потерять и ту малость, что ему досталась. Поэтому изобретается предлог в виде «исчисленности». Не желаю, мол, мириться с перспективой быть «исчисленным» и потому надеваю на себя маску чокнутого. «Ну, сумасшедший, что возьмешь?» [8]. Человек добровольно заточает себя в невидимый сумасшедший дом. Он может делать самые скандальные утверждения, выстраивать любые теории, выдвигать сверхоригинальные идеи и вообще поражать революционностью своих воззрений. Так удается «совсем без драки попасть в большие забияки». Великолепная зона личного комфорта! В ней легко обрести репутацию смелого и оригинально мыслящего интеллектуала, ничьих интересов при этом не задевая и ничего реально не предлагая. И весьма неплохой способ сохранить самоуважение, фактически уклонившись от выполнения своего профессионального и гражданского долга.

Такой выбор, конечно, удобен, но достоин ли он человека, для которого понятие о профессиональной чести – не пустой звук?

Читатель может сказать, что мое суждение о «Манифесте» пристрастно и несправедливо. Что есть авторитетные авторы, чье мнение об этом документе вполне комплиментарно. Например, Б.В. Марков. Его перу принадлежат две статьи, в которых он такое мнение обосновывает [9; 10]. Что ж, репутация Б.В. Маркова действительно безупречна, и это заставляет нас со всей серьезностью отнестись к его позиции. Ее разделяют и некоторые другие авторы [11]. Однако в рамках настоящей статьи рассмотреть иную точку зрения на «Манифест» не представляется возможным. Этому вопросу мы намерены посвятить отдельную работу.

Список литературы

1. Гашек Ярослав. Похождения бравого солдата Швейка // Библиотека всемирной литературы. Т. 144. – М.: Художественная литература, 1967. – 671 с.
2. Гиренок Ф.И. Философский манифест Московской Антропологической Школы // Человек.RU. 2019. № 14. С. 220–229.
3. Статистика угонов в мире [Электронный ресурс] // Ugonia.net. – URL: <https://www.ugonia.net/article/statistika-ugonov-v-mire-397.html?ysclid=mhowjnp2k9589011280> (дата обращения: 24.10.2025).
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.42. – М.: Изд-во политической литературы, 1974. – С. 41–174.
5. Мусаелян Л.А. Тревожные мысли философа по поводу особенностей современной общественной жизни и некоторых проблем образования в эпоху тотальной цифровизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 349–364.
6. Фишиман Л.Г. Эпоха добродетелей: после советской морали. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 232 с.

7. Франк С.Л. Смысл жизни. – М.: ACT, 2004. – 157 с.
8. Высоцкий В.С. Из Канатчиковой дачи [Электронный ресурс] // rupoem.ru. – URL: <https://rupoem.ru/vysotskiy/dorogaya-peredacha-v-tu.aspx> (дата обращения: 25.10.2025).
9. Марков Б.В. Мессианская антропология // Философские науки. 2023. Т. 66. № 2. С. 26–47.
10. Марков Б.В. Ф.И. Гиренок и манифест Московской антропологической школы // Философские науки. 2023. Т. 66. № 2. С. 110–113.
11. Булгаров А.И., Ястребов А.С. У истоков сингулярной антропологии // Философия хозяйства. 2020. № 2. С. 193–201.

INSIDE THE MADHOUSE OF THE MOSCOW ANTHROPOLOGICAL SCHOOL

Rudolf L. Livshits

Freelance Researcher

Gatchina, Leningradckaya oblast', 188000

This article analyzes some fundamental aspects of the "Manifesto of the Moscow Anthropological School," presented to the philosophical community as a programmatic document. The text of the "Manifesto" is written in a provocative and esoteric manner, which makes it difficult to understand its key ideas. It is revealed that the "Manifesto" represents an anarchistic revolt against the rational-conceptual understanding of reality, and at the core of this revolt lies the definition of humans as beings whose inherent trait is the ability to experience hallucinations, slumber while awake, and to indulge in wild visions. The article substantiates the argument that such views cannot be structured into a logically coherent system of concepts and are inconsistent with practical reality. The program of "conscious madness" is criticized as entirely unrealistic and provoking pretense. The basis of this program is an irrational fear of scientific and technological progress. Special attention is given to the "Manifesto's" alarmist perception of the process of digitization of the social space.

Keywords: Moscow Anthropological School, philosophy, anthropology, madness.